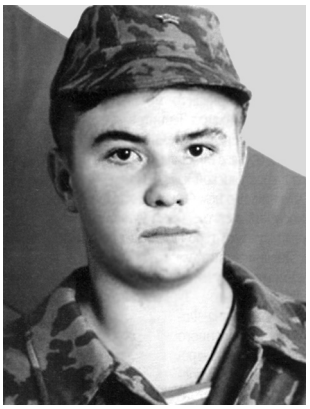
МАТЬ СОЛДАТА

В.Я. ГОЛАНД,
главный редактор журнала «Ярославна» ФСБ России

21 декабря 2006 г. в Москве, в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя состоялась очередная церемония вручения международной награды общественного признания – ордена «Слава России». Инициатором и устроителем этого мероприятия стало Учреждение Музейно-выставочный центр «История отечественного предпринимательства» и Региональная общественная организация содействия сохранению национально-культурных ценностей «Русское богатство». Этой высокой наградой были отмечены люди, чья полезная деятельность, благородные поступки, отвага и мужество заслужили всеобщее признание. Среди них – Юрий Башмет, главком Военно-Морского Флота адмирал Василий Масорин, легендарная группа «Вымпел», отметившая в нынешнем году свое двадцатипятилетие, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, Главный военный клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко и его ведущие специалисты, другие организации.

Евгений Родионов, 1996 г.

В марте 2006 г. орденом «Слава России» был награжден посмертно пограничник Назранского пограничного отряда особого назначения 3-й мотоманевренной группы Евгений Родионов. Десять лет назад он добровольно пожелал после учебного пункта служить в Чеченской Республике. А через месяц после прибытия в часть, в ночь с 13 на 14 февраля, наших четверых солдат окружили на блокпосту в селе Галашки, на границе Чечни и Ингушетии, вооруженные до зубов боевики. Несмотря на отчаянное сопротивление бойцов (на снегу остались следы борьбы и кровь), их обезоружили и увезли в чеченское селение Бамут, где пленники оказались в глубоком полуподвале дома, некогда принадлежавшем пионерскому лагерю. Кто знает, может быть, кто-то из боевиков отдыхал когда-то в этом лагере летом, а теперь вот подрос и стал подвергать российских солдат нечеловеческим пыткам и издевательствам?..

Сто дней и ночей длился плен для Жени Родионова и его друзей: Андрея Трусова, Александра Железнова, Игоря Яковлева. Пограничники пытались бежать, но, увы, у них осталось слишком мало сил для этого. Их хватило лишь на то, чтобы прогнуть решетку оконца, выходящего на улицу. Но и эта попытка дорого обошлась узникам: в наказание их подвешивали «на дыбу», избивали палками до потери сознания, не давали пищи и воды…

Жене Родионову, на шее которого был православный нательный крест, предлагали отказаться от христианской веры и принять ислам. Он не согласился. Тогда 23 мая 1996 г., в день его рождения, ему отсекли голову. Подвиг Жени Родионова стал для многих россиян символом мужества и глубокой православной веры. Он предпочел смерть измене и предательству. Поэтому российская общественность с благодарностью восприняла медаль, учрежденную в честь солдата-пограничника: «Воин Евгений – мученик за Христа».

Медаль «Воин Евгений – мученик за Христа»

Медалью награждаются военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, священнослужители, а также другие граждане Российской Федерации:

– за личное мужество и отвагу, проявленные в боевых действиях при защите Российской Федерации и ее государственных интересов;

– при выполнении специальных заданий по обеспечению государственной безопасности РФ;

– за успехи в боевой подготовке и иные заслуги во время прохождения военной службы при исполнении воинского, служебного и гражданского долга, защите конституционных прав граждан в условиях, сопряженных с риском для жизни;

– за деяния, направленные на укрепление российской государственности и возрождение Православия в России.

Медаль «Воин Евгений – мученик за Христа» носится на левой стороне груди и располагается после других медалей Российской Федерации.

Медаль «Воин Евгений – мученик за Христа» из серебра 925-й пробы, имеет форму круга диаметром 34 мм с выпуклым бортом с обеих сторон.

На лицевой стороне рельефное изображение Евгения Родионова. Вдоль верхнего края надпись рельефными буквами «ВОИН ЕВГЕНИЙ – МУЧЕНИК ЗА ХРИСТА» На оборотной стороне в центре – рельефное изображение православного креста, увитого виноградной лозой, вдоль верхнего края надпись рельефными буквами: ВЕРА, ДОЛГ, ЧЕСТЬ.

На снимке (слева направо): Л.В. Родионова и В.Я. Голанд в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя

Медаль была учреждена по благословению Высокопреосвященнейшего митрополита Лавра, Первоиерарха Русской православной церкви за границей и освящена на могиле воина Евгения Родионова. Награждаться медалью будут военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, священнослужители, другие достойные граждане Российской Федерации.

Эта медаль стала первой в истории России именной военной наградой, которая носит имя рядового и прославляет все наше воинство. Среди награжденных ею – мать Жени, Любовь Васильевна Родионова, офицеры-медики, сотрудники военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко, – те кто ежедневно борется за жизнь солдат, раненных в «горячих точках», и спасает их, возвращает в строй.

Эта медаль была вручена также и мне, автору материала, более пятьдесяти лет проработавшей военным журналистом сначала на Камчатке, потом в журнале «Пограничник» и в книжно-журнальном издательстве «Граница», объехавшей по периметру всю нашу страну, непрерывно соприкасаясь с людскими судьбами, пропуская трагедии, радости и горести своих героев через свое сердце…

Узнав о подвиге Жени Родионова и его побратимов, я поехала в село Курилово Подольского района Московской области к Любови Васильевне Родионовой. Ее рассказ настолько потряс меня, что я не могла ни о чем думать, ни с кем говорить, до тех пор пока не изложила ее жизненные искания и страдания на бумаге. Мне казалось: об этом должны знать все люди, чтобы такого больше не повторилось. Ее хождение по мукам – поистине второй подвиг, продолжение подвига сына. Или – подвиг во имя сына. Судите сами.

Очерк написан в 2000 г. по следам событий…

Любовь Васильевну Родионову, мать солдата-пограничника, заживо хоронили не единожды. Первый раз она умирала, когда ей принесли телеграмму из Назранского пограничного отряда, в котором служил ее единственный сын Женя. Странная такая телеграмма. Она хранит ее как реликвию бюрократизма и бездушия чиновников: «Ваш сын самовольно оставил воинскую часть. Просим принять меры к его возвращению».

Такая весть – это пуля в сердце. Ее сын, ее кровиночка, такой тихий, такой разумный, а главное, такой верный – дезертир? Этого не может быть!

Совсем недавно она вернулась из уютного прибалтийского поселка Лесное, где Женя готовился к службе в отряде специального назначения. Они провели с ним целую неделю вместе. Гуляли по городу, много разговаривали, мечтали о будущем... Он был доволен всем: друзьями, офицерами, армейской жизнью, все говорил, как ему повезло, что попал в пограничные войска.

И в армию он с друзьями уходил с желанием хорошо послужить, чтобы потом с чувством исполненного долга устраиваться «на гражданке»... Что могло произойти?

Она отправила в часть одну за другой девять телеграмм, и в каждой одно: «Мой сын не дезертир, это абсурд. Прошу разобраться!» В ответ – молчание. Правда, в конце концов она получила сообщение: «Известий о местонахождении Вашего сына нет».

Теперь-то она понимает, что тогдашняя (1996 года) военная компания в Чечне была непопулярна среди молодежи, и некоторые ребята, наверное, искали более безопасное пристанище. Может, кто-то и поступал так. Но только не Женя. Она могла поручиться за него своей жизнью.

Рос он самостоятельным и ответственным человеком, старательно учился, после девятого класса пошел работать, чтобы как-то облегчить жизнь: видел, как она мечется, устроившись в трех местах. «Он один-единственный на свете понимал меня и любил... Мне всегда казалось, что не я его, а он меня воспитывал», – вспоминает Любовь Васильевна. Друзья ценили дружбу с ним. Никогда никого не предавал... Может, телеграмма появилась из-за военной неразберихи, не очень-то тщательно ведется учет личного состава?.. Горестным переживаниям не было конца. И как бы в унисон этим мыслям раздался телефонный звонок из Москвы, из Управления Федеральной пограничной службы. Сообщили: «Ваш сын жив, но он в плену вместе с тремя солдатами-сослуживцами». Она тут же среагировала: «Если жив, то где они?» «К сожалению, нам это пока неизвестно. Будем искать», – сказали в ответ. Затеплилась надежда, немного отлегло от сердца.

А в дом к ней в поселок Курилово Подольского района Московской области тем временем стала наведываться... милиция: проверяли не только квартиру, но и чердаки, подвалы, спрашивали у соседей – не видел ли кто Женю? Это был позор для нее, для сына.

Они с Женей прожили здесь двадцать лет, тут он пошел в первый класс, после окончания школы устроился на мебельное предприятие, хорошо зарабатывал. Однажды вернулся от бабушки домой с православным крестом на груди, стал ходить в соседнее село Дубровицы в храм. Их тут все знали, были уверены в них: Женя – человек надежный и верный. И вдруг такое...

Любовь Васильевна не могла больше ждать, ей нужно было самой выяснить, что случилось. «Да я всю Чечню вдоль и поперек пройду, а сына найду», – думала она, отправляясь в рискованное путешествие. Тогда она еще не представляла, что это за место такое страшное, в которое чуть не провалилась, как в черную дыру, вся Россия.

Из официальных источников.

Родионов Е.А., 1977 года рождения, призвался 25.06.1995. 17 января прибыл в Назранский пограничный отряд. В ночь с 13 на 14 февраля 1996 г. вместе с рядовыми Трусовым, Железновым и Яковлевым они стояли на службе у поселка Галашки на контрольно-пропускном пункте. В 2 часа ночи при проверке их офицером военнослужащие были на месте, а в 3.30 их на посту не обнаружили. Пропали с оружием. Остались два бронежилета и два подсумка. На земле – следы борьбы и кровь.

Перед исчезновением к посту подъезжали «Москвич» и уазик. Их, необстрелянных юнцов, живших до сих пор в мирной стране, привыкших к отношениям братства и взаимопомощи, захватил бандит Руслан Хайхороев, «бригадный генерал», прошедший четыре войны. Он был в форме российских солдат, вез оружие в санитарной машине.

Пограничники стояли на так называемой административной границе, где нет ни тыла, ни фронта, где можно получить пулю со всех сторон. Они не успели сделать ни единого выстрела...

Из официальных источников.

Руслан Хайхороев, 1963 года рождения, убит примерно в мае-июне 1999 г. Чеченец (по другим сведениям – ингуш). Уроженец села Бамут. Бывший спецназовец и сотрудник личной охраны Дудаева. Прославился особой жестокостью в обращении с пленными заложниками. По имеющимся данным, лично расстрелял журналистов газеты «Невское время» Максима Шаблина и Феликса Титова, пропавших в марте 1995 г. Он же заказчик и организатор взрыва рейсового автобуса в Нальчике 28 июня 1996 г. Своей причастности к терактам не скрывал. После взрыва в одном из московских троллейбусов 11 июля 1996 г. лично позвонил в ФСБ и взял ответственность на себя. Он же убил двух заместителей министра сельского хозяйства Дагестана. В ноябре того же года группа Хайхороева похитила одиннадцатилетнего К. Батыжева и десятерых военнослужащих федеральных войск, за которых потребовали освобождения некоторых членов своего бандформирования...

В Назрани Любовь Васильевна сразу попала в комиссию по урегулированию осетино-ингушского конфликта. Возглавлявший ее Лозовой объяснил: «Ребят взяли в плен серьезные боевики, вернуть их трудно, но мы пытаемся... У нас уже происходит обмен военнопленными». Посоветовал ехать в Ханкалу, где уже работали комиссии по розыску пленных. МВД искало своих, Минобороны – своих, пограничников пока никто не искал, хотя к тому времени уже четырнадцать человек были в плену.

Ей сказали: мы позвоним в Москву и вызовем человека из погрануправления. И действительно, такой человек появился... Потом этих представителей стали менять каждый месяц. Девять месяцев эти люди занимались поиском солдат, но никаких результатов, увы, их работа не дала. Теперь она простить себе не может: почему потеряла столько времени, зачем надеялась на кого-то? Может быть, знай она ситуацию раньше, застала бы Женю живым?

Она нервничала, чувствовала, что надо спешить. Все уже хорошо знали, как жестоко бандиты обращаются с пленными. Вместе с другими матерями, разыскивающими своих сыновей, металась она от одного высокопоставленного чиновника к другому. «Где наши сыновья, мы отдавали их в армию здоровыми, верните их нам живыми», – обратилась она к известному миротворцу А. Лебедю. «Никому ваши дети не нужны. Кончится война, чеченцы сами отдадут их вам», – был категорический ответ. А ей хотелось доказать, что сыновья всех русских матерей нужны нам всем – и родным, и Отечеству...

Не менее известный правозащитник Сергей Ковалев убил Любовь Васильевну во второй раз, презрительно бросив ей в лицо страшную отповедь: «Вы вырастили убийц. Я ничего не буду предпринимать для их спасения».

У нее перехватило дыхание, потемнело в глазах... Это ее-то Женя, ее солнышко, в жизни не обидевший ни одной кошки, ни одной собаки, – убийца?! Женя, мечтавший о мирной профессии повара, любивший людей, жизнь... убийца?!

Пусть циничное обвинение останется на совести правозащитника Сергея Ковалева. Только она-то знает, что ее сын не был способен на жестокость. Как он был заботлив и внимателен к ней! К каждому празднику, знаменательной дате обязательно писал ей поздравления. В последнее время даже стихи... Она знает их наизусть:

Поздравляю тебя, моя мама,
Я словами от чистой души.
Много счастья желаю, здоровья,
Ты сто лет для меня проживи.
И еще тебе, мама, желаю,
Чтобы старость тебя не брала,
Чтоб всегда ты была молодая
И всегда чтоб со мною была…

Пусть стихи по-юношески наивны, пусть несовершенны, но для нее важнее и ценнее этих слов нет на свете!

... Ей надо было защищать честь и достоинство сына. А значит, и свою честь, и свое доброе имя.

Женя отдал ей блокнот со стихами 20 сентября 1995 г., когда она уезжала из Лесного, и просил не открывать до ее дня рождения, 17 января 1996 г. Но она нарушила обещание и в вагоне начала читать старательно выведенные слова сына. Ей важна была каждая его интонация, каждая мысль.

Женщины-матери пытались найти содействие и у генерала Павла Грачева, но он даже не вышел к ним, зато поверх их голов просвистели... пули его телохранителей. Женщины поняли: их дети и то положение, в котором они оказались, – это только их боль и печаль. Их горе. Не дождешься никакой помощи от того, кто беспечно хотел войти в Грозный победителем с одним десантным полком...

Время мчалось стремительно. Любовь Васильевна не находила себе места. Слухи о мучениях, которым подвергают наших пленных, подгоняли ее к более активным действиям, но сначала ей надо было подумать о средствах на существование и на поиск Жени. Она устроилась в офицерскую гостиницу. Сутки работала – трое была свободна. В это время она и ходила по селам, аулам, по горам и равнинам, под бомбежками и дулами автоматов, раздавая ксерокопии фотографии сына. На базаре в Грозном купила себе длинную юбку, повязала платок – чем не чеченка?

Семьдесят сел и аулов прошла она, презрев страх и смерть. Она знала о судьбе каждого попавшего в беду пограничника, но про Женю не услышала ничего утешительного: «Нет, не знаем... не видели». Наконец, в августе 1996 г. ей посоветовали: «Иди к Басаеву». В то время это имя было у всех наслуху.

Вместе с отцом другого солдата-пограничника, пропавшего без вести, она пошла к Шамилю, но вместо известий о сыновьях случилось такое, что до сих пор, словно кошмар в дурном сне: ее спутника убили, а ее избил до полусмерти брат Басаева Ширвани.

Это была ее третья смерть.

Она бы и умерла с удовольствием, если бы не Женя. Она была нужна ему, она знала это. Кто ему поможет здесь, кто выручит, если не она? В короткие минуты забытья в разгоряченном мозгу сменялись одна за другой картины ее жизни.

Вот она на собственной свадьбе 23 октября 1976 г., они с мужем Сашей молоды и счастливы. Казалось, такая красивая жизнь впереди! Она улыбается и чувствует надежную руку мужа. Вот 23 мая 1977 г. она в роддоме Кузнецка Пензенской области, недалеко от родного Чиберлея, готовится стать матерью... Да вроде бы она и сейчас там же, ждет первого крика ребенка, окончания родовых мук, ждет Женю, желанного своего...

Это было в три ночи. Она хорошо помнит, как облегченно вздохнула, когда подошла медсестра и поздравила с первенцем. Майское небо сверкало звездами, и вдруг как знамение: упала большая яркая звезда!

Почему-то сжалось сердце, и она почувствовала, какое оно маленькое, беззащитное, ее сердце. Как сейчас, когда ей так одиноко и тоскливо.

Это чувство тревоги и волнения ощутила она и в последнюю встречу с сыном перед отправкой на Кавказ. Они с Женей спали валетом на одной койке, долго разговаривали, потом она не могла уснуть, смотрела на небо, и ощущение, испытанное при рождении сына, повторилось. Ей хотелось отогнать его, хотелось, чтобы звезда сына горела долго и ярко. Она умирала и возрождалась снова с единственной мыслью: найти Женю. Ради его спасения надо жить.

...Разве могут сломить русскую женщину-мать пытки, издевательства, унижения, если она стремится помочь своему ребенку, единственной кровинушке своей? Едва оправившись от побоев Ширвани Басаева, она стала искать встречи с Хаттабом. Даже сфотографировалась с ним, пользуясь затем фотографией как пропуском у боевиков. Все спрашивали, не страшно ли ей ходить среди нелюдей, применявших нечеловеческие пытки, сравнимые разве что со средневековыми? Наверное, было страшно, но это чувство всегда отходило на второй план, ведь у нее была святая цель – найти сына, восстановить его доброе имя.

Не успела. 23 мая 1996 г. Женя Родионов был казнен. А уже на следующий день наши войска взяли Бамут...

Такая, видно, у ее сына была судьба.

Но пока всего этого Любовь Васильевна не знала и энергично продолжала поиски. «Где Женя? – тревожно стучало в голове. – Что с ним?» Живой или мертвый, он был нужен ей!

9 сентября 1996 г. в селе Гельдопен бандиты устроили скачки в честь заключения Хасавюртовского

соглашения и так называемой победы над Россией. Любовь Васильевна побывала там, поговорила с боевиками. Ей вернули восемь ксерокопий с фотографии Жени. «Нет. У них такого нет». Она не унималась. Не иголка же он в стогу сена, человек, кто-то же должен знать, где находится Женя. И вот 21 сентября, на вторых скачках, устроенных боевиками, она подошла к Хайхороеву. Маленького роста, с длинной рыжей бородой, сморчок какой-то, он не вселял в нее страха. Разъярился: «Что ты тут ходишь?! Не ищи своего сына, он погиб во время бомбежки в Бамуте».

Это была еще одна ее смерть.

... Она шла из Грозного до Ханкалы четыре километра ночью. Небо снова было усыпано звездами, только не такими яркими, как тогда. И снова светлый хвост звезды промелькнул перед ее глазами. Она молила Бога об одном: «Пусть кто-то выстрелит и убьет ее. Кончатся мучения. Нет больше сил...» Не помнит, как пришла в казарму, выделенную командованием для таких же, как она, горемык, как упала на кровать и крикнула: «Женя мертв», – и все поплыло куда-то.

Пришла в себя от женского воя – так обычно плачут на могилах сельские женщины по своим близким. Она не поднялась и не остановила их. Она знала: сочувствуя ей, плача по Жене, каждая сейчас плачет о своем сыне.

А на другой день единственной ее мыслью стало снова найти Хайхороева и допытаться, где могила Жени. Она похоронит его по-христиански, будет навещать холмик, ухаживать за ним, разговаривать с Женей... Ей не будет так одиноко...

Хайхороев сказал ей половину правды. Да, Женя погиб, узнала она, но не под бомбежками. Бандит сам лишил его жизни. Теперь ей надо было знать все подробности его гибели, чего бы это ни стоило.

Она торговалась с Хайхороевым месяц, наконец, он не выдержал: «Не плачь, твой сын мог бы жить. Он не хотел подчиняться Я предложил ему снять крест, принять нашу веру, стать нашим братом и воевать против федералов. Он сам сделал выбор».

Она без памяти упала в высокую пожелтевшую траву. Сколько лежала, не помнит... Он выбрал смерть. Он не мог иначе, он не мог предать товарищей, свою веру. Не мог предать ее. За что? За что такие мучения? Может ли вместить одна человеческая жизнь столько испытаний, такие страдания? Неужели действительно лишь через страдания приходит истина, наступает успокоение?.. Любови Васильевне нужно было пройти эту дорогу до конца.

Она еще не знала всех подробностей мученической смерти сына. У боевиков есть садистская привычка снимать на видеокамеру гибель своих жертв. Потом они продают эти видеокассеты их родственникам. Сколько таких кассет ходит сейчас по России?! Мы имели дело с теми, кто торгует и живыми, и мертвыми.

Я видела эту видеокассету. Неподалеку от огромной ямы четыре солдата. Двух заставили встать на колени и выстрелили им в головы. Тут же сбросили тела в зияющую воронку от авиабомбы. Третьему бойцу отсекли голову и отправили в общую яму. Женю со связанными руками положили на левый бок. К нему подошел верзила с тесаком, проверил, попадет ли в кадр, начал медленно и деловито отрезать голову. В какой-то момент он остановился, голова замерла, а тело продолжало биться в конвульсиях. Бандит помоложе хотел добить жертву из автомата, но старший не позволил. Садисты оттащили его к могиле и закопали...

Сотворив средневековую казнь, Хайхороев еще требовал от Любови Васильевны десять тысяч долларов за то, что покажет ей место захоронения. Она взмолилась: «Посмотри на меня, где я возьму такую сумму?!» «Нет денег – не покажем могилу», – слышала мать бесстрастный ответ. Но вот как раз этого-то она и не могла допустить.

Я не могу писать об этом без содрогания. Давайте задумаемся: в то время, когда Женя и его друзья мучились, принимая дикую смерть, люди... веселились в ресторанах, играли в азартные игры, смотрели по телевизору «Аншлаг», рекламные клипы, слушали веселую музыку. Что же случилось с нашим обществом, зашоренным средствами массовой информации, не без помощи чьих-то больших денег, перевернувших наши головы и души за считанные годы? Не утратили ли мы за это время нечто более ценное, чем деньги, – человеческую совесть, веру в идеалы, готовность встать на защиту соотечественников?!

Да, мы можем сказать себе как слабое утешение: мы не знали всей правды о той войне, но не мы ли должны были заставить так называемую «свободную» прессу повернуться лицом к солдату той армии, которая уничтожала террористов и садистов, повернуться лицом к русскому солдату, к нашим с вами сыновьям, взвалившим на свои плечи тяжкое бремя чьих-то ошибок, просчетов, а может быть, и предательства?

Женя Родионов, еще юноша, только что начавший взрослую жизнь, преподал нам всем своей смертью урок высокой нравственности и глубокой веры. Он бросил вызов боевикам, привыкшим ломать не только стены, но и души человеческие. Он принял мученическую смерть, но остался верен христианской вере, дому, Отечеству своему...

О чем думал он в последние мгновения? Наверное, верил в свою звезду, в то, что произойдет чудо и изуверы не приведут свой страшный приговор в исполнение... Верил, что, может быть, придет мама и спасет его?

Мама пришла, но слишком поздно. Теперь ее заботой стало найти нужную сумму для выкупа могилы. Попыталась выяснить, могут ли помочь в Управлении Федеральной пограничной службы, но там предложили такую сумму, от которой она отказалась: что этим бандитам тысяча рублей?!

Человек в ответственные минуты жизни очень организованный и дисциплинированный, она принимает решение: приехать домой, продать все, что у нее есть, и вернуться с деньгами.

Любовь Васильевна взяла залог за квартиру – 10 тысяч долларов и собралась в обратную дорогу, но тут у мужа, все время ждавшего ее, случился инсульт. Она кладет его в больницу и снова едет в Чечню. Теперь уже за телом сына.

Шестнадцать раз Хайхороев менял условия сделки, сначала настаивал на 10 тысячах долларов: «Там же четверо!» – говорил он. Потом вдруг остановился на 4 тысячах долларов. Затем последовали дополнительные требования – разминировать Бамут. Она твердо решила не отдавать деньги, пока не покажут место захоронения сына. Но как выполнить второе условие? Пошла к генералу Тихомирову. Тот выслушал и послал добровольцев. Они расчистили от мин, рискуя жизнями, дорогу и пойму реки, девять домов в Бамуте, принадлежавших боевикам. Кроме того, наше командование освободило четырех бандитов в обмен на трупы Жени и его сослуживцев. Казалось бы – чего еще?

Пока шла эта работа, ее не покидало чувство, что Женя здесь, рядом, что осталось немного и она увидит его. К вечеру 22 октября к ней пришел родственник Хайхороева Саид-Эмин и посоветовал: «Больше не торгуйся, забирай могилу сегодня ночью, а то может измениться ситуация».

Любовь Васильевна отдала деньги в присутствии представителя ОБСЕ Леннарта и крикнула Хайхороеву: «Убийца!» Тот схватился за автомат. Леннарт встал перед ней, закрыв собой, попросил хайхороевцев удалиться.

Они ушли, вручив ей напоследок зловещие видеокассеты. Наверное, для того чтобы мать убитого ими солдата медленно умирала, глядя на последние мучения сына. Потому что, увидев это, человек уже не сможет жить спокойно. Картина, снятая на пленку, будет преследовать до конца дней.

Между тем события развивались по плану. Она, Леннарт и еще один представитель ОБСЕ остались у указанного места захоронения. К ним присоединились полковник Вячеслав Николаевич Пилипенко из Администрации Президента России и полковник Дмитрий Сергеевич Попов из Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы. Они стояли у неглубокой воронки от авиабомбы, четыре соединенных одним горем человека, и ждали «Урала», который своими фарами должен был освещать место захоронения.

Снова ночь. Двадцать два часа. Снова звезды, правда, более далекие, чем в мае... Грязь, опавшие листья. Ее знобило. Подъехала машина, водитель включил фары. Они светили ярко, как прожекторы. Мужчины штырем определили размер могилы-воронки и раскапывали ее руками.

... Женя лежал первым. Гимнастерка расстегнута, видна тельняшка, а на ней – крестик. Тот самый крестик, что купил он в церкви Николая Святителя в Пыжах, отправляясь служить. А еще зажигалка и ошейник для любимой Альмы.

Она увидела все эти предметы и упала без чувств. Леннарт оттащил ее от могилы. Очнулась она в машине и все рвалась выйти из нее: надо ведь запомнить место, посмотреть, всех ли достали, там же должны быть Женины друзья...

Если бы кто-нибудь увидел в те минуты Любовь Васильевну, он не узнал бы ее: сорокапятилетняя женщина в один миг состарилась. Потухли глаза, опустились руки, исчезло желание жить... Но снова, в который уже раз, Женя вернул ее к жизни: надо довести дело до конца – отвезти тела в специальную лабораторию, идентифицировать трупы. Ей вручили целлофановые пакеты, посадили в поезд, и поехала Любовь Васильевна в Ростов, где ей предстояло продолжить хождение по мукам.

Жениных сослуживцев приехавшие родственники опознали сразу, она тоже была уверена в своем, но неожиданно ей отказали в выдаче документов: «У вашего сына только туловище, голова отсутствует, справку выдать не можем».

Ей казалось, она окаменела. Она уже не могла возмущаться, спорить. Доказывать. Вернулась в Бамут, пришла к Саид-Эмину: «Что же ты, деньги взял, а... голова Жени где?» Бандит молча отошел на несколько шагов от могилы, принес четыре фрагмента черепа и подал ей как ненужную вещь. «У нас обычай: чтобы душа жертвы не мучила на том свете, мы разбиваем ей череп на четыре части», – невозмутимо сказал он.

Она словно пребывала между реальностью и миражем. Это место полито кровью Жени и его товарищей... Теперь ее душа будет рваться сюда, на эту землю, где в последний раз вздохнул ее мальчик, ее единственная радость... Она обнесла жердями место бывшего захоронения и повязала на одной из них свой платок, в котором искала Женю по чеченским селам и аулам.

Вместе с Женей ушли последние надежды на будущее, оборвался род. Леночка Кружкова, с которой Женя дружил до армии, уже не родит от него ребенка... И сколько теперь таких несостоявшихся свадеб на российской земле...

Она так и стояла бы здесь в своих горестных раздумьях, если бы не солдат. Подошел, положил руку на плечо и тихо сказал: «Пойдем, мама». И это прикосновение и слова, произнесенные им, вернули ее к жизни. Жить надо ради памяти Жени, ради этих мальчишек, продолжающих дело, за которое отдал жизнь ее сын. Знакомый маршрут до Ростова. Цинковый гроб, который ей теперь некуда везти: квартира продана, с работы уволили, муж в больнице. И снова она находит силы, чтобы сделать все, как положено.

Похоронила сына на поселковом кладбище. Без почетного караула и воинских почестей... Лишь соседи скорбно простояли у гроба и проводили солдата в последний путь, усыпав его гвоздиками и еловыми ветками.

Через пять дней после похорон на могиле сына умер муж. Теперь она навещает на кладбище обоих...

* * *

Приступаю к другой части повествования, где хотелось бы сказать: нет, не умрет Россия, пока в ней есть такие сыновья и такие матери, как Женя и Любовь Васильевна Родионовы. Их жизнь, их трагедия, их подвиг всколыхнули общественность Подмосковья, Рязанской и других областей страны. Откликнулись и монастыри. Добрых, сердечных людей у нас оказалось больше, чем равнодушных. Новые хозяева ее квартиры, узнав о случившемся, отказались переезжать в нее, хотя уже сделали там евроремонт.

Однажды позвонил мужчина: мы с женой едем в Вифлеем, поедемте с нами, мы оплатим все, вам это необходимо. Не получилось: не успели оформить загранпаспорт. Одна из газет организовала сбор пожертвований, и Любовь Васильевна потихоньку выплатила залоговую сумму за квартиру. Она не думает о себе, хотя осталась, по существу, без средств к существованию: пенсию за сына она имеет право получать только через семь лет, по достижении 55-летнего возраста, а работать после чеченских зверств не может.

Она теперь целиком поглощена сбором вещей и продуктов для тех кто воюет в Чечне, в первую очередь, конечно, для пограничников. Она знает, что им нужно: теплые свитеры и вязаные шапочки, белье, рукавицы, носки, сигареты, спички, сгущенка, конфеты, сушки... А еще российские флаги небольших размеров, чтобы солдаты могли обозначить свое присутствие на этой российской земле.

В первую свою поездку в ноябре прошлого года она отвезла семь тонн ценного груза, побывала на всех заставах Назранского пограничного отряда и видела, сколько радости доставила пограничникам, как светились их глаза. Не меньшую радость испытывала и она: у нее теперь столько сыновей! От них не хочется уезжать, потому что Чечня притягивает ее святым материнским долгом, чистотой человеческих отношений.

Между прочим, отправляясь всякий раз в Чечню, надевает одежду Жени, считая, что она оберегает ее от вражеских пуль. К Новому году она получила поздравления от майора Андрея Михайловича и всех пограничников. «Вы для нас стали не только мамой своего сына, но и мамой всех пограничников отряда», – писал он. В феврале она доставила десять тонн груза солдатам Минобороны, потому что не дождалась пограничного транспорта. Ей хочется помочь быстрее и побольше, но не всегда получается так, как хочешь. Бывает, что обстоятельства выше нас.

Легендарный генерал чеченской войны Владимир Шаманов написал ей на фотографии: «Сегодня, когда страна в ожидании завершения уничтожения нечисти на Кавказе, теплота и внимание соотечественников греет и вдохновляет. Большое спасибо Любови Васильевне, старой знакомой по первой чеченской кампании».

Поэт Вячеслав Ерохин посвятил ей стихи, где есть такие строчки: «Ты все прошла, стремясь его спасти. И верю я, что вы спасетесь вместе». Рядом Владимир Шаманов сделал приписку: «Спасибо за стихи, посвященные героической женщине, воспитавшей сына, мужественно перенесшей его гибель, не утратившей энергию жизни и любовь к солдату. Храни Вас Бог». 7.02.2000 г.

В марте она снова побывала там.

Звонит, не умолкая, телефон в ее квартире. Любовь Васильевна собирает очередную партию груза. «Пограничники сейчас в худшем положении, чем другие. Живут в холодных палатках, не всегда есть сигареты, теплые вещи», – теперь она вся в этих заботах. «Пока я им нужна, я не умру», – говорит она.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

...21 декабря 2006 г. на сцену Зала Церковных Соборов Храма Христа Спасителя поднимались солдаты на костылях, с перевязанными бинтами руками, с повязками на головах – их привезли на церемонию из военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко, чтобы вручить медаль «Воин Евгений – мученик за Христа». На разных участках боевых операций их достала пуля бандитов, кто-то остался навечно в той земле.

Увы, несмотря на все принимаемые меры, необъявленная война с терроризмом продолжается. И в ней участвует новое поколение молодых ребят. Пусть им улыбнется удача, спаси и сохрани их Бог! Пусть они останутся целы и невредимы, вернутся в родные дома – к любимым мамам и девушкам. Все присутствовавшие в зале стоя приветствовали выходивших на сцену ребят. Не смолкали аплодисменты, у кого-то на глаза навернулись слезы... А я подумала: «Будьте счастливы, мы будем молиться за вас!»